

*Аркадий Файвишевич Векслер,
исследователь*

Павел Иванович Беюл, педагог и экскурсовод

В сентябре 1901 года в Реформатском училище на Мойке, 38, появился новый учитель географии коллежский ассессор Павел Иванович Беюл¹. Нужно особо отметить, что традиции качественного преподавания географии в стенах этого учебного заведения были заложены его основателем пастором Муральтом, приглашавшим для этого лучших петербургских знатоков этого предмета, начиная с действительного члена Российской академии Константина Ивановича Арсеньева, автора лучшего в России в первой половине XIX века учебника географии. Так поступали и следующие руководители училища, поэтому возглавивший училище в 1901 году Артур Александрович Брок предложил ведение уроков географии учителю из гимназии Императорского Человеколюбивого общества П. И. Беюлу, которого знал как своего коллегу по преподаванию в украинских и петербургских гимназиях.

П. И. Беюл родился в 1874 году в городе Оргееве (Бессарабия). В 1892 году с золотой медалью окончил гимназию императора Александра III в Болграде, и в 1897-м – курс наук в С.-Петербургском историко-филологическом институте по специальности «древние языки и русская словесность», став помощником классных наставников и преподавателем греческого языка в I Петербургской гимназии, имея здесь шесть учебных часов в неделю². В следующем году перешел в гимназию Императорского Человеколюбивого общества воспитателем при пансионе и преподавателем латинского и русского языков³. Преподавал в этой гимназии до конца 1912 года, оставаясь там ещё один год воспитателем пансиона⁴.

В Реформатском училище уже в 1902 году Беюл начал преподавание русского языка и литературы и по предложению своего коллеги А. И. Лященко стал библиотекарем ученической библиотеки.

Каким преподавателем был Павел Иванович Беюл, явствует из воспоминаний одного из его учеников Владимира Вейдле, писателя, философа-эстетика, наиболее значительного из мыслителей такого профиля в постреволюционной русской эмиграции: «Фамилия... учителя, с любовью вспоминаемого мной, была необычная (болгарская? турецкая?). Русской грамоте он нас учил, в младших классах, и географии России. Не помню, как учил, возможно, что не Бог весть как. Скуки, однако, не наводил, в серые шинели полуобщественности, полуказенщины русских писателей не облакал, как это делал заместивший его в старших классах, орденами награжденный и ценимый в учебном округе, преподаватель Белошапкин, подменявший Островского «темным царством» и Обломова «обломовщиной», почти так же, как это делается в нашей стране и теперь, и ничему превышающему то, чему учили тогдашние учебники, нас не научивший. Относился он к нам с нескрываемым холодком, обаяние приберегая (как говорили) для женских учебных заведений, хоть и навсегда осталось мне неясным, откуда этот коренастый, немолодой, ежиком подстриженный и курносый человек обаяние мог извлечь, кроме как из цветного платочка в боковом кармане и цветочного одколона, которым неприятно пахло от него. Тогда как Павел Иванович, черномазый, щупленький, небрежно одетый и не всегда хорошо выбритый южанин, тем-то своих малолетних еще учеников и покорял, что сердечной теплоты в нем таились неисчерпаемые запасы, и казалось нам всем, даже, когда он нас бранил и дурные отметки нам ставил, что любит он нас, как своих родных детей. Как он к своим относился, да и были ли у него свои, не знаю; но пестовал он нас, когда целой ватагой по Волге и на Кавказ возил (о чем будет еще рассказано) с неустанною лаской.

И ещё я помню, через шестьдесят пять лет, как он окликнул меня снизу, через этаж на школьной лестнице „Володя!“, чтобы сообщить приятную для меня весть. Прозвища мои были ему неизвестны; никто, кроме него, этим простым уменьшительным именем меня не звал. Было это перед самым окончанием училища. Он уже

три года, как нам не преподавал, но участвовал в комиссии, оценивавшей наши экзаменационные „сочинения“ по русской литературе. „Володя, – сказал он мне, на лестнице меня догнав и обращаясь ко мне на ты, чего другие учителя уже не делали, – мне следовало бы молчать, узнаешь завтра, но ты получил пятерку, твоё сочинение – лучшее“, и он крепко меня обнял. Радость его была подлинна; была чище и выше, чем моя».

Обращение к выпускнику по имени и «на ты», доверительно, как к коллеге одного возраста, необычно не только в столь строгом учебном заведении, каким было Реформатское училище, но и в современной школе, где учеников всех возрастов называют преимущественно по фамилии. (Преподавая в школе № 636, расположенной в стенах бывшего Реформатского училища, я с первых дней, ещё не прочтя замечательной книги Владимира Вейдле «Зимнее солнце»⁵, называл всех своих учеников только по имени, но обращения «на ты» удаивались только мальчики, которых удавалось вовлечь в мои внеклассные краеведческие исследования. В классе мы общались только «на вы»!).

П. И. Бюел был любим своими учениками и как умелый экскурсовод, знакомивший их не только с окружавшим училище городом, его достопримечательностями, учебными заведениями и промышленными предприятиями, но и с Россией, организуя поездки воспитанников на Волгу, на Кавказ, на Бородинское поле.

В сравнительно недавнем прошлом, когда активно действовало Городское экскурсионное бюро при Управлении культуры Ленгорисполкома, да и ныне при широко развитой системе коммерческого экскурсионного дела организация подобных экскурсий – дело не очень сложное, были бы деньги. Но школьные экскурсии тем и отличаются от предлагаемых различными турагентствами и туроператорами, что готовятся и проводятся силами школьного учителя истории или географии и школьного психолога или социального педагога для коллектива хорошо знакомых им детей. И готовятся такие экскурсии на уроках соответствующих школьных предметов и на посвящённых экскурсиям «классных часах». Таковы были, очевидно, и экскурсии Павла Ивановича Бюела.

*Группа преподавателей вечерних курсов для взрослых.
Первый слева – статский советник, преподаватель мужской гимназии
Императорского Человеколюбивого общества, преподаватель училища
при Реформатской церкви, секретарь Общества вспоможения бывших
и настоящих воспитанников мужской гимназии Императорского
Человеколюбивого общества П. И. Бюел. Фото нач. 1910-х гг.*

Из фонда ЦГАКФФД

В небольшой брошюре П. И. Бюел рассказывает об организации и проведении своих дальних экскурсий, план которых обсуждался с директором училища в начале каждого учебного года⁶.

«Мысль посетить все важнейшие места, связанные с воспоминаниями о героических подвигах участников Отечественной войны принадлежит всецело г-ну директору училища А. А. Броку. То, что участники экскурсии увидели и узнали, превосходит во много раз первоначальные предположения руководителей. Почти в каждом городе, где пришлось экскурсантам останавливаться, их встречали местные любители и знатоки старины, которые с глубоким патриотическим чувством раскрывали перед глазами учеников картины из

эпохи великой “народной” войны. Трудно передать словами те чувства, с которыми мы все слушали в Полоцке, Витебске, Смоленске, Вязме или на Бородинском поле рассказы о сражениях русских с французами, о подвигах отдельных лиц или полков, причём места событий были перед нашими взорами.

Были минуты, когда казалось, что видишь перед собой тех, о ком с увлечением говорили наши руководители, – и в этом мне признавался один из наших учеников! Всего, что мы пережили и перечувствовали в эти дни, при всём желании не пересказать...».

П. И. Беюл подчёркивает немаловажное обстоятельство, способствующее успеху дальнейшей экскурсии: участие в ней человека, не раз бывавшего в местах предстоящей поездки, будь то приглашённый в поездку знаток истории этих мест, или не уступающий ему своими знаниями организатор поездки – школьный учитель, обладающий к тому же мастерством общения со своими непоседливыми питомцами. Как бы ни готовились экскурсанты к поездке в стенах школы, им предстоит долгий путь к цели своего путешествия в поезде или в автобусе, и это время следует использовать с толком. «Первый день ушел на предварительные беседы о тех местах, где мы должны были остановиться и по поводу тех событий, какие нам предстояло вспомнить, – пишет далее Беюл. – Кроме путеводителей, планов и карт был взят с собой целый ряд новых изданий, посвящённых Отечественной войне <1812 года>, и вскоре вагон превратился в библиотеку-читальню...». В каждом пункте, где были намечены остановки, по предварительной договоренности экскурсантов из Петербурга встречали представители городских властей и одного из местных учебных заведений, которые после обеда и отдыха проводили экскурсию по городу и местам, связанным с событиями 1812 года. 30 марта «...около 5 ч. дня прибыли на ст. Бородино. Здесь вышло недоразумение с лошадьми и поэтому решено было идти к памятнику пешком (вёрст 7, 5). Во главе экскурсии стал начальник станции Петр Павлович Богданович, который с выдающейся любезностью и заботливостью отнесся к ученикам во всё время нашего пребывания в Бородине. Дружно и быстро пошли экскурсанты, сначала по полотну железной дороги, мимо памятника Л.-Гв. Павловского полка, а затем лесом, и вскоре вышли на Бородинское поле. Вдали виднелся

знаменитый “Памятник 1812 года”, направо тянулось довольно большое селение (Утицы), а налево на фоне вечернего неба краснели строения Спасо-Бородинского монастыря. Пошли прямо по полю. Дорога была трудная: местами снег, местами лед, а больше всего разрыхленная весенними водами почва, пересекаемая вздувшимися, яростными потоками. Всеми способами помогали друг другу, перебираясь с кочки на кочку, с камешка на камешек, и наконец пришли к р. Колоче (тут же текут речки Огник, Война; точно здесь и должно было быть сражение!). Единственный мост через нее был в таком состоянии,

*Училище при немецкой
реформатской церкви.
Фото 1912 г.*

что мы решили перебраться через реку иным путем: перекинули через речку бревно, двое стали на разных берегах и держали шест, вместо перил, а остальные благополучно перебрались. По деревне (Семеновская) идти было легче: всюду набросаны кучки песка и щебня для починки дороги к предстоящим августовским торжествам. Теперь уже оставалось до памятника версты полторы: их прошли напрямик, по вспаханному полю; попадали в ямы, рытвины, проваливались в жидком, мокром снегу, но тем радостнее, тем полнее было чувство, когда все, наконец, обнажили головы у великого исторического памятника. Всё поле перед нами! У самого памятника могила Багратиона, далее монастырь и храм на месте геройской кончины храброго генерала Тучкова 4-го, дальше Шевардинский редут, Семеновские флеши, а там ещё укрепления и еще... Да, ведь это Бородино!.. Здесь пало около 50 тысяч русских и более 30 тысяч французов! Вечная им память!.. Размахивая руками, указывая по разным направ-

лениям, плавно и картинно излагает П. П. Богданович историю великого дня, а молодежь слушает, боясь проронить слово... Но пора и в обратный путь».

Участник всех экскурсий Беюла Владимир Вейдле в своих воспоминаниях рассказывает об одной из длительных летних поездок, начало которых совсем не похоже на описание учителя: «С моим детством и ранними школьными годами мне проще всего распрощаться, вспомнив нашу летнюю школьную поездку по Волге и на Кавказ. Организовал её и руководил ею в 1907 году, при переходе из третьего в четвертый класс, учитель наш, любвеобильный Павел Иванович, уже помянутый мной. Мне было тогда двенадцать, а Шуре, вместе с большинством моих одноклассников ездившему с нами, тринадцать. Замысел экскурсии, продолжавшейся недели три, был отчасти, разумеется, дидактическим: географией России нам как раз и предстояло заняться в следующем учебном году; но Павел Иванович не такой был человек, чтобы о нашем удовольствии забыть. Нарочитой дидактикой он дорожных наших радостей не отягощал, заботясь скорее о том, чтобы путешествие пришлось нам по душе и стоило бы недорого. Цена его и в самом деле никого не отпугнула. Было нас человек тридцать, прихватили, кажется, кой-кого из параллельного гимназического отделения. До Москвы отведен нам был вагон третьего класса; взрослых же, из родителей, например, никого с собой не взяли, – никого, за одним, крайне меня смущавшим исключением. С нами ехала, пока что, правда, мало кем замеченная, в соседнем вагоне второго класса, моя мать. Упростила-таки Павла Ивановича! А я, как ни бился, отговорить ее не смог. Что ж мне теперь скажут мои товарищи? Маменькиным сынком обзовут, дразнить меня будут. Их-то ведь родители с ними не едут, отпустили их; ведь мы уже большие; и зачем только она это вздумала?»

Мысли эти, впрочем, больше меня мучили по дороге на вокзал; когда же я оказался среди своих спутников, и особенно, когда тронулся поезд, начался такой галдеж, такое беганье из одного конца вагона в другой, такое, при моем участии, неотвязное приставанье к Павлу Ивановичу с бестолковыми расспросами, что я уныние свое забыл и стал сломя голову шуметь и веселиться. Так никто всю ночь и не заснул».

Циркуляры С.-Петербургского учебного округа фиксируют продвижение Павла Ивановича Беюла по Табели о рангах и награждения, положенные учителям: коллежский асессор с 18.11.1898, через четыре года в тот же месяц и день – надворный советник, ещё через четыре года – коллежский, с 18.11.1910 – статский советник (чин действительного статского советника учителю был не положен); награждение орденом Св. Станислава 2-й степени 1 октября 1910 года. После закрытия в 1918 году гимназии Императорского Человеколюбивого общества и Реформатского училища Павел Иванович несколько лет преподавал в 34-й Единой советской трудовой школе (наб. р. Мойки, 104), в 1930-х годах работал бухгалтером и умер, как и его жена Мария Ивановна, в 1942 году в блокадном Ленинграде⁷.

Дочь П. И. Беюла Ольга (1901–1985), по мужу Гальперина, артистка, мастер художественного слова. Сценическую деятельность начала в 1920 году в 6-й труппе Политпросвета при Петроградском военном округе. В 1922 году окончила Школу русской драмы при Академическом театре драмы в Петрограде. Работала в Большом Драматическом театре (1922–1932), Театре юных зрителей (1932–1935), в Ленинградском Новом ТЮЗе (1935–1945). С 1929 года выступала на эстраде, став в 1939 году лауреатом Ленинградского конкурса «Владимир Маяковский на концертной эстраде». Одна из первых крупных работ Ольги Павловны – «Гранатовый браслет» А. Куприна, за которую исполнительница в 1940 году удостоена звания Заслуженной артистки РСФСР; этому литературному вечеру предстояла долгая жизнь на концертной эстраде, а для начала – испытание на многочисленных фронтовых эстрадах. С 1945 года артистка – чтец Ленинградской филармонии, с 1957 года – солистка филармонического отдела Ленконцерта. В послевоенном репертуаре артистки – «Мать» и другие произведения М. Горького, «Разгром» А. Фадеева, «Бедные люди» Ф. Достоевского, «Евгения Гранде» О. де Бальзака, «Первый учитель» Ч. Айтматова.

Почти всю жизнь П. И. Беюл прожил в доме 15 на Крюковом канале. Жалко, что краеведы, опубликовавшие о Крюковом канале немало статей и даже парочку книг, не обратили внимания на этого незаурядного человека, в память о котором написана настоящая статья.

¹ Циркуляры С.-Петербургского учебного округа – СПб., 1901. – С. 465.

² Там же. 1897. – С. 654.

³ Там же. 1897. – С. 34.

⁴ Там же. 1912. – С. 218; 1913. – С. 471.

⁵ Вейдле В. В. Зимнее солнце : из ранних воспоминаний. – Вашингтон: Viktor Kamkin Inc, 1976. На русском языке опубликовано на портале Либрусек.

⁶ Общеобразовательная поездка «В память 1812 г.» и другие экскурсии, совершённые воспитанниками училища при реформатских церквях в С.-Петербурге в 1911–12 учебном году под руководством преподавателя П. И. Беюла. – СПб., 1912. – 21 с. Поездка на Бородинское поле началась 24 марта и продлилась семь дней, что по срокам в точности совпадает с предстоящими в 2013 году весенними школьными каникулами.

⁷ Блокада, 1941–1944, Ленинград : Книга Памяти. Кн. 3.